

логических разногласиях между Плехановым и Лениным, не стоит все сводить исключительно к борьбе двух личностей. Безусловно, этот фактор также стоит учитывать, но он не является определяющим. Сущность их спора выходит далеко за рамки полемики двух конкретных персон, это, пожалуй, дискуссия двух идеологических систем или мировоззренческих стратегий на тему будущего России.

Основным же корнем противоречия в подходах к проблеме социализма можно обозначить как переоценка тех или иных возможностей. С одной стороны, Ленин в определенной степени учел специфику России и ее народа, возможно, поэтому и одержал победу не только в Октябрьской революции, но и в Гражданской войне; но при этом он слишком сильно надеялся на проект «казарменного социализма», который потерпел

крах в первые годы советской власти, поэтому пришлось реставрировать капиталистические отношения. Плеханов же, действуя строго по принципам Маркса, слишком сильно унифицировал его схему, под которую Россия с ее особой культурой и историей явно не попадала. Не случайно сам Маркс в принципе не думал о том, что в России в ближайшие двести, триста лет может произойти социалистическая революция.

Плимак Е. Г. Пантин И. К. Драма российских реформ и революций. Москва. Издательство «Весь мир». 2000 г.

Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов, судьба русского марксиста. Москва. Издательство Росспэн. 1997г.

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Москва. Госполитиздат. 1956г. Том II. Социализм и политическая борьба.

СОВРЕМЕННЫЙ КОРПОРАТИВИЗМ В РОССИИ: ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ

В.В. Гусельников

В.В. Гусельников

Данная статья посвящена основным особенностям современного корпоративизма в России и в ряде других стран. Под корпоративизмом мы будем здесь понимать систему согласования и представительства групповых интересов, то есть обозначенная тема тесно связана с проблемами лоббизма и гражданского общества, которые также будут затронуты.

Важнейшими аспектами изучения проблемы современного корпоративизма являются его институционализация и его «нестабильность». Речь идет о том, что примеры России и многих других стран показывают постоянное изменение, постоянную трансформацию корпоративизма. Меняются формы взаимодействия общественных групп,

бизнес-сообществ и государства. Непостоянна эффективность влияния институтов гражданского общества и корпораций на органы власти. Кроме того, последние годы демонстрируют интересные тенденции в развитии отношений государства и групп интересов. Достаточно долгое время западные модели взаимодействия институтов гражданского общества и государства представлялись чрезвычайно эффективными. В известной мере они таковыми остаются, но в то же время мы можем говорить о тенденции к усилению роли государства во внутриполитической жизни той или иной страны.

Примеры США, Франции и России говорят о том, что экономические и политические интересы государства все чаще и чаще позволяют пренебрегать интересами общества. Так, последняя отставка французского правительства, сохранив ряд министров, привела к исключению из его состава представителей гражданского общества. Экономические реформы, активно проводимые во Франции, имеют своим следствием недовольство ряда слоев, категорий населения осуществляемой политикой (протесты театральных актеров, пенсионеров, работников некоторых отраслей свидетельствуют об этом). Поражение правящей коалиции на региональных выборах также свидетельствует о растущем недовольстве политикой правительства Раффарена.

Одним из последних примеров здесь является аннулирование Государственным советом принятого соглашения Unedic. Оно было подписано в декабре 2002 года между работодателями и профсоюзами CFDT, CFTC, CFE-CGC и имело своей целью социальное обеспечение безработных во Франции¹. Тем не менее, проведение экономических реформ, практически превратившееся в идею фикс, продолжается и жертвует интересами и крупного бизнеса и общественных ассоциаций, включая организации «третьего сектора». США демонстрируют пример подчинения всего политическим целям администрации. Скандалы с участием

крупных корпораций и абсолютное пренебрежение общественным мнением при проведении военных операций являются подтверждением этому. Все это вызывает особый интерес, если учесть, что совсем недавно очень многие говорили о наступлении эпохи «корпоративизации». Речь шла о широкомасштабном оформлении групповых интересов и об усилении роли таких групп. Таким образом, справедливо было бы говорить о новом витке в эволюции корпоративизма.

Россия, как любая другая страна, имеет свои особенности в том, что касается представительства групповых интересов, взаимоотношений государства с бизнесом и общественными объединениями. Обратившись к истории вопроса, мы вернемся к современным особенностям корпоративизма в России.

Первое, что хотелось бы отметить, рассматривая краткую историю проблемы, это прохождение Россией ряда этапов развития корпоративизма. Они отличались от этапов становления современного корпоративизма в Европе, имели свою специфику. Ключевым периодом для современного российского корпоративизма был двадцатый век. Здесь мы можем обозначить три важные вехи. Первая: дореволюционная Россия XX века. Это время отмечено становлением довольно прогрессивной модели корпоративизма. Появляются организации, которые официально или неофициально регулируют взаимодействие крупных промышленных компаний с государством. Так, И. Н. Шапкин говорит о том, что «к началу первой мировой войны уже сформировалась разветвленная сеть представительных организаций капитала: совещательные — полуофициальные, созданные с помощью государственных органов; предпринимательские, отраслевого, местного, всероссийского вида; союзы работодателей»². Недостаточное внимание со стороны властей к рабочему вопросу, отсутствие представительских организаций трудящихся, диалога между трудом и капиталом было одной из ключевых ошибок власти, которая явилась одной из причин революции 1917 года. Корпоративизм в СССР стал одной из разновидностей государственного корпоративизма. Он был отмечен огосударствлением всех представительских организаций, созданием их «сверху», а также монопольной формой собственности, которая породила такое явление как «бюрократический» корпоративизм и стала одной из причин становления в современной России «олигархического» корпоративизма³. Таковы исторические причины проблем институционализации корпоративизма в современной России.

Последние несколько лет были отмечены недостаточной оформленностью представительства групповых интересов как общественного института. Мы видим это на уровне взаимодействия крупного бизнеса с государством, на уровне отстаивания мелким и средним бизнесом своих интересов, когда используются неправовые методы отстаивания своих интересов. Здесь речь идет прежде всего о том, что сегодня в России, когда отсутствует принятый закон о лоббизме, основными методами представительства групповых интересов становятся взяточничество, решение вопросов посредством личных контактов и т.д. Причинами отсутствия закона о лоббизме и соответствующих требованиям времени согласительных комиссий являются, с одной стороны, незаинтересованность в них представителей крупного

бизнеса, способного добиться многих решений в сегодняшних условиях (слабость правовой базы, коррумпированность), с другой, незаинтересованность ряда чиновников в их наличии. Последнее обстоятельство объясняется тем, что ряд госдеятелей инкорпорированы во власть определенными финансовыми или промышленными группами, а также тем, мы можем предположить, что другие представители власти (главным образом, депутаты Государственной Думы) блокируют принятие законопроектов по личным или партийным соображениям.

Еще одной проблемой институционализации корпоративизма в современной России является недостаточный уровень развития представительских организаций. Объединения мелкого и среднего бизнеса недостаточно развиты и заняты, преимущественно, сугубо личными экономическими проблемами. Профсоюзы, благотворительные и иные организации «третьего сектора» часто экономически зависимы от различных уровней властей, стремящихся укрепить свою власть, ставя под свой контроль массовые организации. Возможности административного ресурса в России хорошо известны. Другой причиной является отсутствие традиций деятельности в стране подобного рода организаций. Как отмечает М.В. Жеребкин: «в современной России трансформируются как условия функционирования основных политических институтов, так и субъекты политического процесса, в том числе одни из наиболее влиятельных его акторов — группы интересов»⁴.

Таким образом, можно говорить о том, что сегодня в России корпоративизм принял различные формы в зависимости от своего уровня. Так, например, на уровне взаимодействия крупных компаний и государства он носит в основном неформальный, зачастую неправовой характер, что позволяет говорить о гипертрофированности представительства интересов крупных финансово-промышленных групп. Если речь идет о социальном партнерстве, то здесь нужно отметить, в первую очередь, неразвитость института, которая обусловлена, главным образом, низким уровнем общего экономического развития, недостаточной правовой базой, отсутствием традиций, абсентеизмом.

Тенденции к усилению роли государства и ослаблению роли других игроков, о чем говорилось раньше, актуальны и для России. Возможно, что в большей степени, чем для любой другой страны. Отчасти именно это позволяет заявлять о становлении авторитарного режима в стране. Во всяком случае, мы можем говорить о возведении в абсолют имеющихся у власти политических и экономических планов. Чрезмерное, необоснованное давление на крупный бизнес, непопулярные социально-экономические меры (непечальные в будущем, принимаемые сегодня и имевшие место в прошлом) дают повод говорить о том, что российский корпоративизм, по сравнению с концом 90-х гг., впал в другую крайность. Согласно одной точки зрения, «олигархический» корпоративизм сменяется государственным. С другой, руками государства производится передел собственности в пользу близких к власти экономических структур.

Лоббизм, как главный инструмент в руках групп интересов, также занимает сегодня интересное положение. Следствием получения «Единой Россией» необходимого большинства в парламенте практически стало исчезновение лоббизма в Го-

сударственной Думе. В этой связи можно предположить, что одним из аргументов в пользу столь мощной поддержки названной партии на выборах было именно стремление «отрегулировать» лоббизм на законодательном поле. Но не путем принятия закона о лоббизме, а путем ликвидации лоббизма в парламенте. Данное стремление вполне вписывается в укрепление вертикали власти и власти вообще. Когда администрация не может справиться с отраслевым, корпоративным лоббизмом в парламенте иным путем, то становится необходимым уничтожение самих предпосылок его существования.

Вполне возможно, что политические процессы последних нескольких месяцев будут иметь неожиданные последствия. Так, например, крупные корпорации, представители той или иной отрасли несколько лет назад были основными противниками принятия закона о регулировании лоббистской деятельности. Сегодня они могут стать теми, кто в первую очередь заинтересован в этом.

В целом, ослабление позиций корпоративизма,

как эффективного взаимодействия государства и групп интересов, вызвано политическими мотивами и стремлением к модернизации. Первый случай представляет собой защиту интересов одной группы (например, политического руководства государства, стремящегося сохранить свою власть) в ущерб большинству других. Второй — стремление к общему благу, при этом забывают, что «общее» состоит из «частей», которые одна за другой оказываются в явном проигрыше.

¹ См.: Le Monde. 11.05.04

² Шапкин И. Н. Из истории лоббизма в России. Представительские организации российского капитала во второй половине XIX-начале XX веков. М., 1999. С. 7.

³ См.: Перегудов С. П. Новый российский корпоратизм: от бюрократического к олигархическому? // Политические исследования. 1998. №4. С. 114.

⁴ Жеребкин М. В. Группы интересов в трансформационном процессе // Власть. 2002. №3. С. 59.

Л.Г. Фишман

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЛОЯЛЬНОСТЬ «ОБРАЗУ ЖИЗНИ»

Л.Г. Фишман,
кандидат политических наук,
старший научный сотрудник
ИФиП УрО РАН

Три политических проекта, которые оказали наибольшее влияние на облик современного мира: Республика, Коммунизм и Демократия.

РЕСПУБЛИКА И ДОБРОДЕТЕЛЬ

Демократия и Республика — это разные идеи. Различие между ними идет со времен античности. Республика — это «общее дело», демократия — «власть народа». В чем разница? Когда речь идет об общем деле, подразумевается, что есть члены общины, которые лучше представляют нужды целого, а есть все прочие. Это не значит, что первые и вторые разделены непроходимой пропастью. Но это значит, что недостаточно быть просто гражданином, чтобы претендовать на участие во власти на

всех уровнях. Нужно еще быть одним из наиболее компетентных, добродетельных, знающих. В Риме таковыми являлись патриции, из среды которых делегировался Сенат. В сущности, сенатор — это образец «совершенного» гражданина, стоящего выше остальных.

Демократия, в отличие от Республики, не подразумевает наличия слоя особо компетентных граждан или, по крайней мере, противится его институционализации. Афиняне, к примеру, могли сколь угодно уважать и почитать своих великих людей и выдающихся граждан, но в нормальных условиях они не учреждали для них ничего, подобного римскому Сенату. Это нередко осложняло управление делами полиса и вело к принятию плохо продуманных решений. С другой стороны, компетентные и просто влиятельные люди никуда не исчезают. Если слой этих граждан не имеет особых официальных институтов, которые он мог бы использовать для принятия угодных ему решений, то существует немало неофициальных и полуофициальных каналов воздействия — начиная от подкупа должностных лиц и народа и заканчивая искусной демагогией перед народным собранием. И это также не красит демократию в глазах ее современников, равно как и в глазах потомков.

Поэтому, если в античной истории мы обнаружим немало великих людей демократических убеждений (или лояльных демократическому режиму), то в античной политической мысли трудно обнаружить последовательных апологетов Демократии. Демократия для античных мыслителей — довольно сомнительная форма правления, которой бы неплохо найти альтернативу в виде аристократии, монархии или даже тирании, а еще лучше — смешанного правления, которое сочетало бы в себе достоинства всех известных «приличных» режимов.

Просвещение унаследовало этот античный скептицизм по поводу демократии и поэтому его исходным проектом был проект Республики.